

⁶ Аллатова Г. М. Великий Октябрь и сдвиги в политической тактике буржуазии. Пермь, 1982.

⁷ Klugman J. History of the Communist party of Great Britain. L., 1968. Vol. 1.

⁸ The Communist. 1923.

⁹ The Worker. 1923.

¹⁰ The Worker's Weekly. 1923.

¹¹ Great Britain. Parliament. House of Commons. Particulamentary Debates. Official report. Ser. 5. L., 1923.

¹² Labour Party: Report of the 23-rd Annual Conference. L., 1923.

¹³ International Press Correspondance. 1923.

¹⁴ The Labour monthly. 1923.

¹⁵ The Communist review. 1923.

¹⁶ Gallacher W. The rolling of thunder. L., 1947.

¹⁷ Labour Party: Report of the 24-th Annual Conference. L., 1924.

¹⁸ The Foreign Affairs. 1923.

¹⁹ The Labour magazine. 1923.

²⁰ The Daily Herald. 1923.

²¹ Manifesto of the Communist party of Great Britain: Hands off Worker's Germany, September 27. 1923. L., 1923.

В. П. ГАЗИН

Каменец-Подольский пединститут

Локарно и проблема «мирной ревизии» Версальского договора в 1925-1927 гг.

Доктрина «мирной ревизии» как форма проявления агрессивности германского империализма формировалась после Версальского договора 1919 г., когда Германия не обладала достаточным военным потенциалом и стала на путь «политики выполнения» условий мира, которая фактически реализовалась как «курс мира и ревизии». Таким образом, в «политике выполнения» были заложены планы «мирной ревизии». Уже в начале 1920 г. о стремлениях изменить границы мирным путем писал будущему депутату рейхстага, а тогда ландрату в пограничных с Польшей землях, фон Кардорфу член программной комиссии Немецкой национальной народной партии Остен [1. S. 99]. Западногерманский историк Хельтье также замечает, что впервые надежда на ревизию появилась в 1920 г. [2. S. 28]. По-видимому, германские правящие круги уповали на серьезные шаги Запада навстречу Германии в связи с разразившейся советско-польской войной.

В сущности «мирная ревизия» была продолжением старой агрессивной политики методами, продиктованными послевоенной ситуацией, подтверждением того, что германский империализм не смирился с узаконенными мирным договором последствиями войны. «Мирная ревизия» территориальных постановлений Версальского договора стала целью и смыслом деятельности ми-

нистра иностранных дел Веймарской республики Г. Штреземана (1923—1929 гг.). В своей практике Штреземан исходил из того, что в послеверсальский период «источником политической силы» [3. S. 280], главным средством «мирной ревизии» будет мощь германской экономики, монопольное влияние и господство которой в центрально-европейском регионе должно стать бесспорным. Поэтому Штреземан призывал к терпению и всемерному содействию монополистическому капиталу. С ним соглашались идеологи германской буржуазии. В частности, историк Ф. Мейнеке полагал, что единственный способ избавиться от постановлений мира,— это терпение и компромисс [4. S. 73]. Во внешней политике германского империализма доктрина «мирной ревизии» была предельно удобной для поддержания конъюнктуры страха и неуверенности среди соседей, служила орудием психологического террора. С другой стороны, раздуваемая веймарскими правительствами пропагандистская кампания вокруг «мирной ревизии» способствовала нагнетанию шовинизма и насаждению среди немцев тезиса неизбежности борьбы за «жизненное пространство» в будущем. Как видим, постулаты «мирной ревизии» использовались и для притупления классовой борьбы.

Условием реализации плана «мирной ревизии» правящие круги Германии считали «взаимопонимание» с Западом, которое представлялось не как обычная нормализация отношений между державами после войны, а как соглашательство класса европейской буржуазии, предполагавшее совместную борьбу против СССР, участие в которой Германии рассматривалось на Западе как важнейший элемент обеспечения успеха. Особые надежды в Германии возлагались на США. Сам Штреземан не раз говорил: «Наша судьба зависит от Соединенных Штатов» [5. S. 136].

В плане «взаимопонимания» для Германии вырисовывалась перспектива временного компромисса на Западе и упразднения постановлений Версальского мира на Востоке. Такая ситуация устраивала Запад. 20 января 1925 г. с предложением Германии заключить гарантийный пакт на Западе выступил английский посол в Берлине лорд д'Абернон, известный своими прогерманскими взглядами и представлявший те английские круги, которые видели в Германии противовес французским стремлениям к гегемонии в Европе и партнера в борьбе против СССР. Лорд д'Абернон разделял мнение германского правительства о недолговечности границ на Востоке [6. С. 37].

Германское правительство, еще в 1922 г. зондировавшее возможность заключения такого пакта [2. S. 71], охотно приняло предложение. Однако, соглашаясь на гарантию западных границ, Германия категорически отвергла что-либо подобное на Востоке. Немцы не скрывали, зачем они идут в Локарно. В состоявшейся 20 марта 1925 г. беседе с представителями фракции немецких националистов, которые продолжали придерживаться

линии «все или ничего», Штреземан заявил, что германское правительство «...отклоняет всякую гарантию немецкой восточной границы, напротив, исходит из того, что Версальский договор относительно восточной границы уже сегодня под вопросом» [7. S. 171]. В англо-франко-германских переговорах вокруг созыва Локарнской конференции требования «мирной ревизии» стали приобретать формы реальной угрозы подрыва всей Версальской системы на Востоке и вызвали серьезную озабоченность восточных соседей Германии. В Польше и Чехословакии с беспокойством следили, как германские планы агрессии приобретали узаконенный статус. Близкая к чехословацким правительственным кругам газета «Ческо слово» обвиняла Штреземана «в прятанье за пацифистские фразы» [8. 18 Sept.] и рассматривала нежелание Германии идти на гарантию восточных границ как далеко идущие планы [9. S. 40]. В Чехословакии и Польше справедливо считали, что гарантия восточных границ положила бы конец даже всяким разговорам о «мирной ревизии». В комплексе «мирной ревизии» оживились и планы аншлюса Австрии.

Предлокарнские надежды «мирной ревизии» питались провокационными подстрекательствами западных политиков и военных. 7 мая 1925 г. командующий американскими оккупационными войсками в Германии генерал Алмен высказался за новое регулирование германской восточной границы и вину за существующее положение свалил на Францию, заявив, что это «следствие французской политики, которая хотела иметь сильную Польшу и сильную Чехословакию». Он же выступил за урегулирование пограничного вопроса международной конференцией [8. 8 Mai].

Во время Локарнской конференции усилилось давление на Польшу и Чехословакию со стороны западных стран, особенно Великобритании. К примеру, премьер-министр Польши Грабский приостановил высылку немецких оптантов после того, как министру иностранных дел Польши Скиншиньскому это порекомендовали в Локарно [10. S. 257—258]. Уже тогда родилась формула «не дразнить Германию», которая несколько позже нашла свое выражение в слове «умиротворение». Как видим, германские постулаты «мирной ревизии» отнюдь не выглядели иллюзорными, а формировались в атмосфере поддержки Германии могущественными капиталистическими странами мира.

Результаты Локарнской конференции укрепили надежды Германии на ревизию восточных границ. Германские цели — вернуть мирным путем утраченные территории и позиции — в Локарно приобрели реальные контуры. Локарнские соглашения, создавшие границы первого ранга на Западе и второго на Востоке, положили начало переориентации Англии и Франции на союз с Германией в антисоветском сговоре. Сколачиваемый ими после первой мировой войны антисоветский блок с малыми

странами Центральной и Юго-Восточной Европы оказался малоэффективным. В новой расстановке антисоветских сил им отводилась роль плацдармов агрессии против СССР. А распорядителем их судеб закамуфлированно был признан германский империализм. 16 октября, в день подписания Локарнских соглашений, польская пресса писала, что шаги союзников навстречу Германии создадут «тяжелейшее и серьезнейшее положение для Польши» [8. 16 Oct.]. Требование Польши гарантировать ее западные границы встретило холодное осуждение со стороны английской и части французской прессы. Западная печать квалифицировала польские требования как превращение Польши в очаг войны в Европе [8. 3 Arg.]. А «Дейли телеграф» писала, что вопрос Коридора в ближайшее время может стать актуальным для рассмотрения и что это вызывает нервозность в Польше [8. 16 Oct.].

О крайне подавленном настроении в Польше после Локарнской конференции сообщал в Наркоминдел СССР Г. В. Чичерин. Но в противовес радужным перспективам, которые рисовали западные дипломаты в связи с Локарно, уступки Франции по вопросам гарантии безопасности границ на Востоке он назвал предательством интересов Польши [11. С. 629]. На пресс-конференции в полномочном представительстве СССР во Франции 15 декабря 1925 г. Чичерин, критикуя недалекость локарнских политиков, указал на всю пагубность антисоветских экспериментов: «Будущее покажет, действительно ли локарнское соглашение имеет тот пацифистский характер, который ему приписывают его участники, и не пожалеют ли об этой затее многие из них» [11. С. 721].

Германские правительственные круги видели в Локарно пропуск Германии в круг великих капиталистических держав, основу «для решения многих политических и хозяйственных вопросов» [8. 22 Oct.], исходные условия реализации «мирной ревизии» и усиления реваншистской деятельности в Центральной Европе. Выступая 8 ноября 1925 г. по берлинскому радио, Штреземан говорил о «восточных возможностях», предоставленных Локарно, и успокаивал реваншистов: «В этих договорах не содержится ничего такого, что могло бы выглядеть как признание восточной границы» [8. 9 Nov.]. Еще конкретнее об арбитражных договорах с Польшей и Чехословакией выражался начальник правого отдела МИД Гаус: «Если вопреки пакту дело все же дойдет до войны, вмешательство гарантов не сможет воспрепятствовать изменению границ при заключении мира» [6. С. 50].

Правые экстремисты, выступавшие за свержение республики и установление диктатуры, были недовольны уступками Германии на Западе и критиковали локарнскую политику Штреземана. К ним принадлежала большая часть военных во главе с Сектом и фон дер Гольцем [12. С. 206], пангерманцы, национа-

листы, а потом и гитлеровцы. Правоэкстремистская оппозиция весьма своеобразно использовалась в политике «мирной ревизии». Реваншистские кампании правых, выдаваемые веймарскими правительствами за крик оскорбленной чести народа, постоянно служили предлогом для постановки вопроса о ревизии границ перед западными правительствами. При этом правительство принимало позу исполнителя воли «общественности».

Из всех политических партий принципиальную позицию по отношению к Локарно заняла только КППГ. Германские коммунисты разъясняли трудящимся, что Локарнские соглашения — это втягивание Германии в антисоветский блок и что, отказавшись от Восточного пакта, «германская реакция уже мечтает для начала покончить с «заклятым польским врагом» [13. С. 202].

Локарнские соглашения изменили политическую обстановку в Европе. Лишив гарантии западные границы своих восточных союзников, Франция фактически согласилась с частичной ревизией Версаля, и именно на Востоке. Локарнский механизм привел в негодность всю французскую систему договоров в Центральной Европе. Франко-польский от 1921 г. и франко-чехословацкий от 1920 г. договоры превращались по существу в фикцию. Границы на Востоке стали предметом дискуссий в дипломатических кулуарах, прессе, на официальных и неофициальных встречах, различного рода конференциях.

Локарнские соглашения, ослабившие политическое влияние и перечеркнувшие гегемонистские стремления Франции в Европе, подняли акции германского плана «мирной ревизии». Линия Штресемана получила в Локарно одобрение со стороны бывших врагов. Франция добилась от Германии признания бессмысленности войны на Западе, но недальновидно, вопреки национальным интересам, создала для Германии возможность «выиграть немецкие земли на Востоке» [14. S. 194]. Как писала биограф Штресемана А. Тимме, в Локарно «был взорван краеугольный камень всей Версальской системы» [6. С. 61].

Многие в Германии восприняли Локарно как начало процесса ускорения ревизии Версальского договора и восстановления германских позиций в Центральной Европе, были уверены, что за первой уступкой Запада последуют и другие. Подтверждением тому стали слова Штресемана, сказанные в последний день конференции: «Локарно не конец, а начало полного доверия совместной жизни наций» [15. S. 85].

После Локарно германская буржуазная пресса была полна обнадеживающего оптимизма. Передовая «Франкфуртер Цайтунг» за 26 ноября 1925 г. характеризовала Локарно как «решающий этап в отходе от Версаля, ревизия которого началась уже с момента его подписания...». Там же следовал призыв окончательно покончить с ним: «Дух Версаля должен быть преодолен,

если хочет жить дух Локарно». Это означало, что правящие круги Германии брали курс на изменение существующей системы договорных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Коварство политики «мирной ревизии» заключалось в том, что, с одной стороны, ее важнейшим составным элементом было сближение или хотя бы подобие примирения с Францией, а с другой стороны, коренной слом всех связей, которые составляли политическое влияние Франции в Центральной Европе и обеспечивали ей военное превосходство над Германией. Не случайно уже 12 декабря 1925 г. германский МИД выработал Памятную записку, в которой ставилась задача, используя экономическую мощь, подрывать французскую систему договоров в Центральной Европе [16. S. 466]. Нельзя не сказать и о существовавшей связи между внешнеполитической деятельностью Веймарской республики и ее внутривнутриполитическим положением. Курс на взаимопонимание с Западом и «мирная ревизия» были в немалой степени производными политики социального компромисса внутри Германии во время частичной стабилизации капитализма.

Если широкой общественности локарнскую политику Штресман преподносил в пацифистской упаковке, то в кругу единомышленников был откровенен. Так, выступая 14 декабря 1925 г. перед представителями реваншистских землячеств и 28 декабря на приеме руководителей восточных союзов (Шуцбунд, Остбунд и др.) и касаясь сущности локарнской политики, Штресман убеждал своих слушателей, что локарнский компромисс, план Дауэса, финансовое участие США в Германии создают основу «взаимопонимания» с Западом в решении «восточного вопроса» [7. S. 180—183; 17. Bd II/1. S. 63—64]. «Так как военное выступление против Польши невозможно,— подводил черту Штресман,— надо убедить мир, что Польша в ее настоящей форме... представляет угрозу европейскому миру» [17. Bd II/1. S. 64]. Плохо Германии—плохо Европе—главный лейтмотив кампании за ревизию восточных границ.

Исходя из такого тезиса, германские политики откровенно делились с представителями Запада своими ревизионистскими планами. К примеру, в декабре 1925 г. чиновник центрального аппарата МИД фон Дирксен перечислил д'Абернону германские претензии к Польше: Данциг, Коридор, включая округ Нетце, округление бывшей провинции Познань, возвращение маленьких частей Средней Силезии, и прежде всего Верхней Силезии [17. Bd II/1. S. 72—73]. По мнению германского правительства перекройка границ создала бы «окончательное примирение между Польшей и Германией» [17. Bd II/1. S. 73].

В конце 1925 г. в дипломатических кругах Германии мелькнул план эволюционной «мирной ревизии» компромиссного характера, рассчитанный на 10—15 лет. Дирксен даже информировал о нем д'Абернона. Однако план не нашел поддержки среди

представителей германских монополий. Рейхсбанкпрезидент Я. Шахт в беседе с Шубертом высказал опасение, что решение вопроса «могло бы перейти в длительное состояние» [17. Bd II/1. S. 360], что, разумеется, не устраивало германских монополистов. Их мнение разделял и Штреземан, заявивший, что «глупые решения Версальского договора нельзя заменять другими глупыми решениями» [17. Bd II/1. S. 365].

1925—1927 гг.— время интенсивного зондирования со стороны германских монополий и правительственных кругов отношения западных стран к проектам ревизии восточных границ.

Последовавшее после Локарно вступление Германии в Лигу Наций (сентябрь 1926 г.) тоже было подчинено задачам «мирной ревизии». Об этом открыто писала западная пресса. В начале 1926 г. французская газета «Экю де пари», комментируя германское выступление против предоставления Польше постоянного места в Совете Лиги наций, настаивала, чтобы Польша обязательно была там, но только для того, «чтобы принять участие в обсуждении территориальных вопросов, которые будет ставить Германия» [18].

В плане «мирной ревизии» германским империализмом была задумана и осуществлялась с 1925 г. таможенная война против Польши. Немцы делали все, чтобы толкнуть Польшу к экономической катастрофе и препятствовать оздоровлению до тех пор, пока она «не созреет для пересмотра границ в соответствии с нашими требованиями, а мы не укрепим в достаточной мере свою мощь», как высказался 17 апреля 1926 г. Шахт в беседе с Шубертом [19. С. 249]. Позиция Шахта отражала мнение монополистов. И подняв на ноги весь свой дипломатический корпус, Штреземан требовал от германских послов делать все возможное, чтобы не допустить иностранных займов Польше.

Германские политики и финансисты предприняли широкую кампанию, чтобы убедить владельцев денежных рынков Запада принять германскую точку зрения: Польша не должна получать займы без урегулирования территориальных споров с Германией, под чем понималось возвращение Германии утраченных земель на Востоке. В случае удовлетворения требований Германия готова была принять участие в оздоровлении Польши [14. Bd II/1. S. 229]. Мировой общественности эти преподносилось как общее оздоровление европейского климата. Такие аргументы находили понимание на Западе. Миссии Скшиньского и директора Польского банка Млынарского, предпринятые в 1925 г. за океан с целью получить займы, закончились безрезультатно после того, как Шахт, используя международные связи германских монополий, убедил американских финансистов Канна, Шиффкрехта, Моргана и других в бесполезности займов Польше.

Такую же позицию занимали и британские бизнесмены. 8 апреля 1926 г. Штамер доносил в МИД, что председатель Анг-

лийского банка М. Норман был «весьма впечатлен аргументом, чтобы в интересах Европы финансовое оздоровление Польши связать с урегулированием польско-немецкой границы» [17. Bd II/1. S. 291]. Германские дипломаты, принимавшие особо активное участие в реализации плана «мирной ревизии», пугали западные государства, что неустойчивое положение Польши способствует ее большевизации, с чем охотно соглашались западные деятели. Так, 26 февраля 1926 г. в разговоре с Шубертом д'Абернон заметил, что можно было бы изыскать пути и средства, чтобы границы, как возможно быстрее, изменить [17. Bd II/1. S. 192—193]. Поэтому многие германские политики проникались уверенностью в возможности скорой ревизии границ, полагали, что, используя локарную платформу, можно «мирным путем вернуть утраченное», обсудив проблему с «влиятельными английскими лицами» [17. Bd II/2. S. 17]. Надо заметить, что до второй половины 1926 г. в Берлине полагали, что решение проблем «мирной ревизии» в преобладающей степени зависит от Лондона.

Все же затягивание Западом финансовой помощи Польше не привело к сколько-нибудь заметным сдвигам в «мирной ревизии». Поэтому дискуссионный вопрос «с кем или через какие компенсации» решать ее задачи продолжал оставаться в центре внимания правящих кругов Веймарской республики. 19 ноября 1926 г. начальник 4-го отдела МИД В. Цехлин изложил свои мысли в тайном меморандуме, именуемом «Заметки о решении восточного пограничного вопроса». Сущность изложенного Цехлином в том, что ключ к решению проблемы следует искать не в Лондоне и Вашингтоне, а в Париже путем взаимопонимания с Францией на широкой основе [17. Bd II/2. S. 346]. Англия, полагал Цехлин и не только он, созрела для удовлетворения германских требований. Для убедительности Цехлин приводит содержание беседы, в которой министр иностранных дел Англии О. Чемберлен советовал своему польскому коллеге Залесскому ради примирения отдать Германии Верхнюю Силезию. В. Цехлин доказывает, что такие изменения не нарушают равновесия великих держав и «лежат в непосредственных интересах Англии».

Однако пронемецкие стремления в Англии, далее утверждал Цехлин, наталкиваются на сопротивление Франции. Также состояние англо-русских отношений не предрасполагает Англию к антипольской политике, так как Польша используется в антисоветском курсе. Итак, ставка на Англию в пограничном вопросе несостоятельна. Таким образом, камень преткновения на пути ревизии только Франция. К англо-американскому пониманию нужд Германии надо присовокупить взаимопонимание с Францией, и комплекс «мирной ревизии» будет решен [17. Bd II/2. S. 348—350].

Выкладки Цехлина привлекли внимание. Десять дней спустя

министериаль-директор МИД Вальрот сделал записи, касающиеся «Заметок» Цехлина, в которых имеется одна интересная деталь. Недостаточное внимание западных держав к восточному вопросу Вальрот объяснял тем, что уже планомерное развитие локарнской политики образует для Германии важнейшую предпосылку решения восточного пограничного вопроса в будущем [17. Bd II/2. S. 366], т. е. Вальрот призывал более решительно и самостоятельно решать те проблемы, «добро» на которые получено в Локарно.

Проанализировав конкретную обстановку, Цехлин и Вальрот пришли к выводу, что компенсация за Коридор Литвой, о которой в то время так много писала особенно английская пресса, из-за вероятного отказа Польши от обмена и возможного ухудшения советско-германских отношений невозможна: от оккупации Литвы Польша ослабла бы еще больше, а «мы не могли бы дать гарантии новым восточным границам Польши» [17. Bd II/2. S. 350, 367]. Однако в дипломатических кругах немцы зондировали отношение и к такому варианту [17. Bd II/2. S. 413]. Идея обмена тоже вписывалась в план «мирной ревизии».

Все же в Германии в 1925—1927 гг. переоценивали возможности осуществления «мирной ревизии» и недооценивали отводимое Польше место в антисоветских планах и глубину межимпериалистических противоречий по многим вопросам, которые немцы зачастую рассматривали сугубо с точки зрения собственных интересов. Займы удалось оттянуть, но не больше. В 1927 г. Польше все-таки предоставили заем на 72 млн дол. [20. S. 135], что было крайне недостаточно для оздоровления польской экономики, подорванной таможенной войной и последствиями колониального грабежа польских национальных богатств до 1918 г. Весьма скромная сумма займа была скорее следствием двойного подхода к делу: не пресекать германское давление на Востоке и не оттолкнуть от себя Польшу. Не тогда ли закладывались основы политики канализации германской агрессии на Восток, политики умиротворения Германии в интересах международного и национального капитализма — германского, английского, американского, французского как базы в борьбе с социализмом? Не отсюда ли колебания и противоречия в ущерб даже национальным интересам?

Безрезультатность усилий в реализации плана «мирной ревизии» привела к разногласиям среди политических партий германской буржуазии, что объяснялось не отказом от поставленных целей, а поиском новых вариантов ревизии восточных границ. Причиной разногласий также послужило то, что локарнская политика весьма скудно удовлетворяла реваншистские претензии Германии и усилилась антисоветская политика западных стран.

В таких условиях появился еще один вариант, который скорее обозначил поворот к испытанной силовой политике. Сущ-

ность нового подхода к решению восточного вопроса прояснилась в дискуссии политиков Центра вокруг докладной записки «Германия и Польша», сочиненной Х. Пфафферотом, парижским корреспондентом «Германии» и «Кельнишер фольксцайтунг». Политики Центра граф Г. Прашма и будущий вице-канцлер Гитлера фон Папен предлагали сначала в союзе с Западом уничтожить Советский Союз, а потом обрушиться на Польшу. Осуществление целей в таком порядке они рассматривали под углом опоры западных государств в антисоветской борьбе не на Польшу, а на Германию. Центр стал настаивать на отходе от Советского Союза и примирении с Польшей, что, как казалось, должно смягчить позицию Запада в отношении германских планов территориальной ревизии и склонить Польшу к уступкам. Рапальский договор, по их мнению, перестал играть для Германии былую роль, и его надо ликвидировать [7. S. 203—207; S. 273—285].

Все это свидетельствовало о начале постепенного кризиса доверия к доктрине «мирной ревизии», хотя и после 1927 г. она долгое время использовалась германскими реваншистами и, как ни странно, надежды на ее осуществление питались позицией западных стран. Так, в том же 1927 г. Англия и Франция категорически воспротивились гарантийному пакту на Востоке по образцу Рейнского, т. е. Восточному Локарно, чего упорно добивались Польша и Чехословакия. Это, безусловно, подхлестывало германский империализм к более решительным действиям и проявлялось в постепенном отказе Германии от «мирной ревизии» и переходе к силовым методам во внешней политике. Последнее подтверждает, в частности, Памятная записка внешнеполитического эксперта партии немецких националистов фон Остен-Варница от 2 марта 1931 г. на имя рейхспрезидента П. Гинденбурга, где всякая политика взаимопонимания с Францией названа заблуждением, а локарнские уступки Западу — бесплодными. Франция, подчеркивает Остен-Варниц, рассматривает Локарно как первый шаг подчинения себе Германии. Он призывает к жесткой политике, чтобы заставить Францию пойти на уступки [22. S. 576—577].

Попытки «мирной ревизии» европейских границ не исключали, наоборот, готовили почву для решения территориальных притязаний вооруженным путем. Многие германские политики (Штреземан, Дирксен, Раушер, Кардорф) все больше склонялись к мнению, что Коридор и Верхняя Силезия отойдут к рейху только вследствие войны. Когда однажды, критикуя его локарнскую политику, Штреземану сказали, «что неспокойствие мира будет решаться не договорами, а военным путем», он ответил: «Я надеюсь и верю, что если до этого дойдет, последнее слово будет за мечом. Это время надо по возможности отсрочить. Если мы этого меча не будем иметь, преждевременные действия приведут наш народ к гибели» [16. S.465].

И все же сама идея «мирной ревизии» не была изъята из обихода германских политиков. «Мирная ревизия» психологически, идейно и материально продолжала готовить прямую агрессию. Нельзя не признать: идея «мирной ревизии» Версальского договора, которая явилась синтезом военного бессилия веймарского империализма, стремившегося к возврату утраченных позиций, и антисоветских планов капиталистического Запада, была реализована в военном, материальном и частично территориальном плане к 1 сентября 1939 г. Систематические целевые уступки западных стран создали опасный задел к развязыванию германским империализмом второй мировой войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Ruge W. Zur chauvinistischen Propaganda gegen Versailles Vertrag. 1919—1929 // Jahrbuch für Geschichte. 1967. Bl. 1.
- ² Hölzje Ch. Die Weimarer Republik und das Ostlocarno-Problem, 1919—1934. Würzburg, 1958.
- ³ Stresemann G. Schriften. B., 1976.
- ⁴ Krasuski J. Z dziejow niemieckiej myśli politycznej 19 i 20 wieku. Poznan, 1965.
- ⁵ Thimme R. Stresemann und die deutsche Volkspartei 1923—1925. Lubeck; Hamburg, 1961.
- ⁶ Никонова С. В. Германия и Англия от Локарно до Лозанны. М., 1956.
- ⁷ Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa—und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945. B., 1975.
- ⁸ Frankfurter Zeitung. 1925.
- ⁹ Alexander M. Der Deutsch-tschechoslowakische Schiedsvertrag von 1925 im Rahmen der Locarno-Verträge. München; Wien, 1970.
- ¹⁰ Krasuski J. Stosunki polsko-niemieckie 1919—1925. Poznan, 1962.
- ¹¹ ДВП СССР. М., 1964. Т. 8.
- ¹² Schüddekopf O.-E. Das Heer und Republik. Hannover; Frankfurt a/M., 1955.
- ¹³ Тельман Э. Избранные статьи и речи, 1919—1928. М., 1957.
- ¹⁴ Göhring M. Bismarks Erben (1890—1945): Deutschlands Weg von Wilhelm II bis Adolf Hitler. Wiesbaden, 1969.
- ¹⁵ Hirsch F. Gustav Stresemann: Patriot und Europäer. Göttingen; Frankfurt; Zürich, 1964.
- ¹⁶ Ruge W. Alte Rezepte der Revanchepolitik // Jahrbuch für Geschichte. 1968. H. 4.
- ¹⁷ Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Aus dem Archiv des Auswärtiges Amts. Ser. B: 1925—1933. Göttingen, 1967.
- ¹⁸ Бессарабские новости. 1926. 5 янв.
- ¹⁹ Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе: Сборник по истории так называемого «Дранга нах Остен». М., 1965.
- ²⁰ Habedank H. Die Reichsbank in der Weimarer Republik. B., 1981.
- ²¹ Ruge W. Die Aussenpolitik der Weimarer Republik und das Problem der europäischen Sicherheit 1925—1932 // Jahrbuch für Geschichte. 1974. H. 3.
- ²² Europastrategien des deutschen Kapitals, 1900—1945. Köln, 1977.